

Кира Сапгир. В фокусе вогнутого зеркала⁷

Когда читаешь новую книгу Александра Зиновьева «Гомо советикус», сразу же вспоминаешь «Сагу о носорогах» Владимира Максимова. Сравниваешь, находишь сходство, отмечаешь и отличия. И вот какие делаешь выводы:

«Сага о носорогах» — памфлет. Портретная галерея здесь составлена из легко узнаваемых лиц. Модели известны всем. Но их черты гиперболизированы; они — словно отражения в выпуклом зеркале.

«Гомо советикус» — сатира. Здесь тоже ряд портретов. Но это портреты собирательные. В каждом из них узнают себя несколько людей. И эти портреты из многих лиц стянуты воедино в фокусе зеркала вогнутого.

Зеркало Владимира Максимова обращено к Западу.

⁷ Континент, № 35, с. 388.

Зеркало же Александра Зиновьева уставилось на нас, устремившихся с Востока на Запад. В свое время против «Саги» ополчились западники либералы. На «Гомо советикус» обиделись — мы. В «Саге» — Носороги. В «Гомо советикус»...

...предполагают, что на земле после атомной войны все живое должно погибнуть — кроме Шуршащего племени. До поры до времени они живут в нищенских щелях. Длинными усами покачивают они в темных и теплых кухнях. И крепнет под боком беззаботного Человечества, становясь лишь неуязвимее от морилок, Хитиновая армия.

Александр Зиновьев рассказал о нищенской мощи. О ней пока не подозревает уверенный в своей неколебимости мир, который принял нас. А ведь мы — передовой отряд Армии, посланной сюда для Великого Дела.

В фокусе вогнутого зеркала — Пансион. (Кстати, А. Зиновьев всегда в своих книгах пишет нарицательные имена с заглавной буквы, чтобы таким образом собрать частности в общее.) В Пансионе на распутье племя эмигрантов. Они только что покинули Союз. Заграница для них пока что чужбина. И вот — сколачивается конгломерат, представляющий более или менее все слои советской интеллигенции. Ведь нам очень свойственно сколачивать конгломераты. Недаром же одна из составляющих аббревиатуры СССР — Союз.

Эта колония находится вне времени и пространства — как бы в тараканьей щели. Она очищена от прошлого и от будущего и поэтому представляет материал, пригодный для исследований и испытаний. Такого рода исследованиями и занимается на досуге в Пансионе сам автор. Словно естествоиспытатель, разглядывает он новый вид человека. И дает мутанту имя: «гомо советикус».

* * *

«Иначе говоря — гомосос. Мое отношение к этому существу двойственное: люблю и одновременно презираю, восторгаюсь и одновременно ужасаюсь. Ибо я сам есть гомосос», — так пишет автор в предисловии.

Каковы слагаемые гомососа? Оппозиционер и ура-патриот, западник и славянофил, олух и «себе на уме», ну и многое-многое другое. Но каждый — «асе». Агент Советского Союза. Асе в «человеческой терминологии» — некто, достигший в чем-то совершенства. Совершенство гомососа в том, что он образцовый тайный агент. Настолько образцово-тайный, что и сам в себе этого часто не подозревает. Правда, зато до него, кроме него самого, все остальные члены колонии-конгломерата — ассы; такова уж особенность гомососа.

Какова миссия гомососа? Его миссия — в запрограммированности. Оболваненная душа несет в мир советскую идею. И эта идея гнездится под мощным панцирем, наросшим от перегрузок в стране, непригодной для нормальной жизни.

Зиновьев настаивает: гомосос силен. Он способен запугать и развратить.

Гомососы «являют собой новый, более совершенный тип мыслящего существа и несут этот образец другим», говорит автор. И его вогнутое зеркало начинает мало-помалу поворачиваться фокусом к Западу.

Что же уловит западный наблюдатель в фокусе зеркала?

На первый взгляд, нечто вовсе пустопорожнее. Штампованные типы. Вчерашние Ибанцы: Энтузиаст, Нытик, Циник, Шутник, Диссидент, Художник. Их жены. Серия масок. Обойма.

Но западный взгляд куда равнодушен.

Автор не щадит своих «подопечных». На каждый портрет имеет право обидеться добрый десяток прототипов. Один Энтузиаст чего стоит! «Энтузиаст прибыл с великой миссией —

научить Запад уму-разуму и руководить отсюда диссидентским движением в Союзе. Он жаждет издавать журнал, а еще лучше — газету. Он считает, что это — основное звено, ухватившись за которое мы (кто?) вытянем всю цепь. Ленин ведь тоже с этого начинал!».

Не только типажи эмигрантов составлены А. Зиновьевым из кусочков. Из кусочков составлена и вся эта книга. У каждого кусочка — свой центр, свой фокус, но если разрезать книгу ножницами и отрывки перетасовать, от этого мало что изменится. Вероятно, это происходит из-за того, что и рассказывается о неподвижно застывшем отряде — наизготовке перед стартом. Персонажей книги ведь тоже можно пока что безнаказанно тасовать. А пока все, на что они способны, — трепаться, злоупотребляя даром свободы слова. Каждому кажется, что он — провозвестник истины. На самом деле ничего нового он, гомосос, в силу своей запрограммированности сказать неспособен. Кажущаяся свобода воли скрывает под собой дремучий советский конформизм.

Так, с непрекращающейся холодной издевкой, в которой сквозит отчаяние, до боли вглядывается автор, и мы вместе с ним, в картину мира, собранного в фокусе его зеркала. Неужели ж там — дробящееся Ничто?! Неужели же «искра Божья», свойственная человеку от века, в результате мутации исчезла, и на ее месте — угольно-черное пятнышко — словно частичка сажи? черной сажи бездуховности. И эта черная сила ведет атаку на западный мир. Уже сейчас «...образованные слои западного общества мало в чем уступают советским гомососам», утверждает автор. А подобное притягивается к подобному. И хотя, как говорит поэт, «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места им не сойти» — носороги тянутся к хитиновым. Что же будет, если состоится это воссоединение?! Какой бронированный гибрид произойдет от того?! Во всяком случае, тогда уж неизбежно «гнусное будущее», где большая часть человечества будет приравнена — нет! не к рабам, к предметам. Их лишат звания человека, с тем чтобы малая горстка властителей получала по потребностям...

Что же может противостоять нашествию? Может быть, махина Банка, сооружающегося напротив Пансиона? Возможно, это и произошло бы — если бы они существовали во взаимодействии, хотя бы в противодействии. Но Банк и Пансион — эти две угрюмых крепости, настолько различны, что им друг до друга нет никакого дела. Они оберегают — каждый свое.

Так не лучше ли дать отбой, ужаснувшись собственному Ничто, чем отравлять собою мир? В том-то и дело, что мир уже отравлен. И не стоит обманывать себя, разыскивая не-правильности в социалистической системе. СССР — в этой аббревиатуре одна из составляющих — слово «социалистический». Самый правильный социализм — советский. И Зиновьев учит глядеть правде в лицо. И для этого протянута миру его вогнутое зеркало.

Едкий цианистый настой книги Александра Зиновьева обильно насыщен парадоксами. Парадокс, конечно, — то, что мы, сами того не зная, все агенты ГБ. Парадокс — что все великие исторические события порождались и стимулировались дилетантами и шарлатанами. Еще парадокс: «Обычный советский человек... всем ходом своей жизни обучается три дела делать без специальной подготовки: руководить, критиковать режим и быть агентом КГБ». Да мало ли еще там парадоксов! (Жаль только, что со времен Оскара Уайльда парадокс подешевел.)

Но не только парадоксы, а и софизмы делают книгу. Да и весь «Гомо советикус» — один большой софизм — логическая задача с нарочито встроенной ошибкой в построении. Ошибка же в том, что не могут механически собраться воедино отдельные лица, стиснувшись в портрет-робот.

Книга А. Зиновьева — своего рода тест: кто обидится — тот и есть советский по своей природе. Люди же, которым чуждо советское сознание, видят благодаря этой книге следующее.

Мы — не хитиновые с коллективным сознанием, однако много непредвиденного произошло и произойдет еще с советской интеллигенцией, очутившейся по сю сторону «железного

занавеса». Из свидетелей того, что было, они превращаются в очевидцев того, что творится здесь, в «зрительном зале». Страшная чуткость развилась в советских людях от постоянной настороженности в прошлой жизни. Они способны загодя, очень задолго (надо надеяться!) до катастрофы распознавать ее. А распознав, предостеречь благодушествующий мир:

ОПАСНОСТЬ!

И тогда пришелец уже — не «гомо советикус», а просто:
человек.

А раз так — это, к счастью, уже совсем, совсем другая история.